

Народный артист РСФСР, лауреат всесоюзного и международных конкурсов, экс-солист Мариинского театра, экс-директор Академии молодых певцов Мариинского театра Константин Плужников — еще и президент фонда поддержки музыкального, театрального и художественного развития «Центр современного искусства». Плужников воспитывает молодых вокалистов, пишет книги, вспоминает прошлое, философствует и не без пессимизма расставляет точки над «i».

Константин Плужников:

Константин Ильич
любит жить
в эстетике.

В искусстве нельзя достичь результатов плеткой и пряником

ЭКС-СОЛИСТ МАРИИНКИ ЗА СТРОГОЕ СОБЛЮДЕНИЕ ВКУСА

А ВЫ ГОВОРИТЕ «ДРУЖБА»

— Константин Ильич, Центр современного искусства, в котором мы сейчас находимся, был создан вами с покойным Андреем Толубеевым, с которым вы были дружны...

— Нам бы надо сделать ремонт, хотим наверху сделать мансарду, в которой будет выставочный или концертный зал. Пока все в состоянии маниловщины находится.

— Расскажите о ваших друзьях...

— Когда я работал в театре, у меня было мало друзей, артисты ведь люди очень субъективные и честолюбивые. Хотя так и должно быть... Надо иметь ту степень возвышенности над остальными, которая позволяет творить. Иметь близкие отношения с такими людьми очень трудно, потому что люди искусства не всегда искренние. Хвалим иногда просто потому, что человека надо поддержать. Поэтому в отношениях скрывается ложь, борьба за роли, вкусовые положения начальства в репертуаре, личные пристрастия к тому или иному артисту. Все это вызывает негатив, но артисты это «глотают», потому что надо работать, а не вступать в конфронтацию.

Дружба требует общения, а артисты театра замкнуты в своем театральном пространстве. Поэтому дружба вне профессии тоже редко случается. Человек искусства всегда держится за театр. Возраст, который, как тяжелые мешки, падает ему на плечи, печалит и угнетает. Некоторые верят в то, что они до сих пор молодые... Я всегда увлекался философией, моя жизнь проходила бок о бок с книгами, которые научили меня очень трезво и пессимистически оценивать свою жизнь.

СТИПЕНДИИ И КНИГИ

— Сейчас вы готовите молодых исполнителей к работе в Мариинском театре?

— В Центре современного искусства я создал вокальный класс. Некоторых мы отправляем на мастер-классы в Германию. Я

помогаю и старым актерам: 50 актеров Мариинки получают ежемесячно по 5000 рублей. Мы взяли еще 10 киноактеров и режиссеров, находящихся в бедственном состоянии (кинорежиссер Дмитрий Месхиев дал нам список). Эта сумма больше, чем их пенсия! Мы помогаем детям неимущих родителей, платим им стипендию в 3000 рублей, создали стипендию имени Андриуши Толубеева, которую получают в Санкт-Петербурге и Петрозаводске. Мы дарим инструменты некоторым детям, издаем се-

Я вообще не хочу быть руководителем и никогда не стремился им быть. Мне это не надо. Я — один из тех профессоров, которые хотят сделать учеников своими друзьями. Все остальное давит.

рию книг. Книгу о современнике Глинки, певце Николае Иванове, перевели и издали в Италии. Вторая книжка — о великом теноре Дмитрие Смирнове, третья — о Дягилеве, прекрасном импресарио, четвертая книга — об Анжелине Бозио — уже набирается. Когда я был в Риме, случайно узнал, что у нас в Александро-Невской лавре похоронена Анжелина Бозио! У Тургенева есть упоминание о ее концерте в романе «Накануне», Некрасов и Мандельштам писали стихи о ней. Она была первой певицей императорского двора!

Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЛ, ЧТО КУПИЛ КАРТИНУ ЛЕРМОНТОВА

— Константин Ильич, вы любите антиквариат...

— Я всегда любил жить в эстетике, всегда хотел открывать утром глаза и останавливать свой взор на красивых вещах. Одно время я собирал часы, картины. Когда ез-

дил на гастроли, я деньги не копил, а тратил. Картины русских художников, мебель в стиле русский ампира.

— Это правда, что у вас есть картина самого Лермонтова?

— В свое время я в Петербурге купил пять картин (оптом!), в том числе и картину Лермонтова. Долго торговался! Я даже тогда и не знал, что Лермонтов писал картины. Но вряд ли кому-то пришла в голову идея подделать Лермонтова. Что я купил: нереставрированную картину без рамы, в старом подрамнике с подписью «Лермонтов 1837 год». Нарисован был лежащий мужчина, над ним склонились две девушки, скала, водопад. Такой сентиментально-романтический сюжет. Ко мне позже приходил лермонтовед, осмотрел картину, стиль, почерк и сказал, что это подлинник. После ко мне пришли уже из музея и убеждали, что такая картина непременно должна висеть у них. Картина у меня, конечно, осталась...

ВАЛЕНКИ, БУШЛАТ — И ВЫШЕЛ ГЕРЦОГ МАНТУАНСКИЙ

— Недавно Юрий Александров поставил новый спектакль к юбилею Гоголя «Тройка, семерка, туз». Во втором действии спектакля на сцену выходит женщина в образе Юлии Тимошенко с плетеной вокруг головы косой. Согласны ли вы с тем, что политика должна занять свое место и в оперном театре?

— Юрий Александров в Мариинском ставил спектакли, в которых и я участвовал когда-то, это «Дон Паскуале» Доницетти и «Кай и Герда»... Недавно я видел «Риголетто» в цюрихской постановке. Пели они неплохо, но люди в спектакле появлялись все время в костюмах разных эпох. Все это глупости! В Германии в маленьких городах театры хо-

тят быть лучше соседних. Они просто изоцируются, над стилем не работают! Валенки, бушлат — и вышел герцог Мантуанский! И уже над его походкой работать не надо! Юра, может, и имеет право такое делать, но в академических театрах это непозволительно. Это — вкус! В Эрмитаже ведь нет работ Филонова?!

НАДО ИМЕТЬ В ГОЛОВЕ ИДЕЮ

— Кто у нас умеет работать над стилем со вкусом?

— Никто, наверное. За месяц надо сделать спектакль? И делают!

Мне понравился итальянский режиссер Кобелли. Вили Декер интересно ставил «Саломею»: взаимоотношения актеров были удивительными. И все потому, что он хорошо знал партитуру, реплики. Но внешний вид актеров был ужасающий, типично германский: все лысые почему-то...

Я ведь сам когда-то ставил с молодежью «Севильского цирюльника», «Сомнамбулу» и «Лоэнгина»... Режиссер — это актер, который знает сцену. И научиться этому нельзя, надо походить самому с десяток лет по сцене и только тогда «понять». Надо иметь в голове идею! Какие бы у Башмета ни были руки, но у него есть идея, которую он может через слова передать оркестру. Можно говорить о мануальной технике Ростроповича, но он был великим музыкантом! Поэтому каждое его слово правильно воспринималось в оркестре.

А вообще-то надо посидеть у дирижера на репетиции, тогда только поймешь — какой он дирижер. Оркестр чаще всего играет хорошо, потому что боится дирижера.

— А вас кто-нибудь боится?

— А кто? Я вообще не хочу быть руководителем и никогда не стремился им быть. Мне это не надо. Я — один из тех профессоров, которые хотят сделать учеников своими друзьями. Все остальное давит. Искусство — не та сфера, в которой плеткой и пряником можно достичь результата.